

Сентября 16 (29)

Священномученик
Григорий Раевский

Священномученик Григорий родился 28 сентября 1888 года в селе Завидове Тверской губернии в семье диакона Григория Раевского. Вскоре после окончания Московской Духовной семинарии Григорий Григорьевич женился на Лидии Васильевне Беляевой, дочери священника села Завидова. В 1912 году Григорий Раевский был рукоположен в сан священника к Успенскому храму этого села.

Все силы молодой священник отдавал храму и прихожанам, и его супруга стала ему помощницей в заботах о храме. Между ними во всем было полное согласие и мир. Единственное, что несколько омрачало их супружескую жизнь, это то, что у них не было детей. В 1913 году в селе почти одновременно умерли муж и жена, остались сироты – трое детей, и о. Григорий и Лидия Васильевна взяли к себе одну из девочек, Анну, которой было тогда восемь лет. Они воспитывали ее как свою, и впоследствии, когда у них в 1922 году родилась дочь Нина, они между детьми не делали никакой разницы, и сами девочки относились друг к другу как родные сестры.

*Григорий Раевский – студент
Московской Духовной семинарии*

Лидия Васильевна Беляева

В первый раз о. Григория арестовали в 1927 году. Он был заключен в Бутырскую тюрьму и обвинен в том, что он будто бы распространял ложные слухи, но на следствии выяснилась полная невиновность священника, и власти вынуждены были через два месяца его освободить.

В конце 1929 года, одновременно с коллективизацией, началось гонение на Православную Церковь. В Завидово приехали молодые коммунисты, уполномоченные из города, чтобы помочь объединять крестьянские хозяйства в колхозы.

В субботу 8 февраля на общем сходе крестьян председатель Завидовского сельсовета объявил, что на воскресенье, 9 февраля, назначается демонстрация, призванная показать превосходство коллективного хозяйства над единоличным. Были собраны подводы, украшены красными лентами лошади, чтобы проехать по

соседним деревням и показать, что завидовские крестьяне почти все вступили в колхоз. К назначенному времени, одиннадцати часам дня, около избы-читальни собралась незначительная группа крестьян. Организаторы демонстрации решили, что с таким количеством народа ехать нельзя, и ждали еще два часа. Но и тогда народа не набралось. Тут кто-то из присутствующих сказал, что это потому нет народа, что все люди в храме, где идет торжественная служба.

Услышав об этом, секретарь комсомольской ячейки отрядил пойти в храм двух комсомольцев, чтобы узнать, что там происходит. Войдя, они увидели, что идет служба и храм полон народа. Устроители демонстрации решили, что она не удалась из-за богослужения, и агитационное мероприятие было отменено.

В храме в тот день собралось около шестисот человек и больше половины было причастников. Молебен служил протоиерей Григорий Раевский, литургию – священник Николай Дмитров. Пока о. Григорий служил молебен, о. Николай исповедовал причастников, когда о. Николай стал служить литургию, исповедовать стал о. Григорий. Из-за того, что было столько причастников, служба затянулась до трех часов дня.

Успенская церковь в селе Завидове

Одного этого факта было для ОГПУ достаточно, чтобы уже на следующий день начать расследование с целью непременно арестовать хотя бы одного из священников. Прежде всего сотрудники ОГПУ выяснили, что наибольшим авторитетом и любовью у прихожан и вообще жителей Завидова и окрестных деревень пользуется о. Григорий. И началось расследование его церковной деятельности. Были вызваны комсомольцы, члены бригады по коллективизации, председатель Завидовского сельсовета и местный работник политпросвета (избач). Вот некоторые из показаний, которые они дали: «Раевского хорошо знаю. Последний зачастую говорит проповеди в церкви, в особенности в престольные праздники, в Троицу, Петров день, в Успенье и Михайлов день.

Начинает проповедь на тему праздника и кончает: «Время, верующие, теперь пришло тяжелое, отец с сыном, брат с братом не уживаются вместе и

восстают друг на друга. Идет сейчас гонение на религию». Кроме того, также Раевский говорил, то есть сопоставлял евангельское учение с настоящим моментом: «Почему отец с сыном не уживаются? Так как отец верит в Бога, а сын нет». И призывал верующих еще сильнее верить в Бога и не поддаваться вражьему учению».

«Попы наши завидовские очень хитрые и умные по-своему. Для того чтобы не отобрали у них церковь, они собирали среди крестьян деревень подписи, дескать, собрав большое количество подписей, можем отстоять от возможного отбора церковь».

«Демонстрация была сорвана благодаря поповской и кулацкой агитации. По имеющимся сведениям, священник Григорий Раевский в церкви произнес проповедь. Привел пример: «Братья, когда тонет корабль, то команда спасается, но капитан должен погибнуть». Из слов Раевского видно, что он до тех пор будет бороться с советской властью, пока не погибнет. А поэтому считаю дальнейшее пребывание попов в Завидове безусловно опасным для строительства коллективизации».

В самый день ареста о. Григория, 14 августа 1930 года, ОГПУ вызвало на допрос председателя сельсовета, который высказал свое категорическое суждение о необходимости ареста священника: «В декабре 1929 года Раевский приходил ко мне в сельсовет за разрешением на хождение по домам для совершения Рождественского служения. Тогда я, как председатель, ему не разрешил, и он сказал, что ваша задача задушить религию... К Раевскому часто приезжают неизвестно откуда священники и под видом службы проводят какие-то совещания. Я полагаю, что Раевский является первым контрреволюционером, который организывает массу при помощи церкви».

Местный избач показал: «Священник села Завидова Раевский действительно является организатором масс на срыв всех мероприятий партии и советской власти».

Из верующих ОГПУ вызвало старосту храма, который, отвечая на вопросы следователя, не предполагал, что они задаются с единственной целью арестовать священника, и не стал читать протокол допроса, то, как записал следователь его показания: «Я церковным старостой нашей завидовской церкви был примерно двенадцать лет... Своих священников, Раевского и Дмитрова, хорошо знаю. Больше всего говорит проповеди благочинный Григорий Григорьевич Раевский. Он говорит проповеди в престольные праздники, на Троицу, Ильин день, Успенье, Михайлов день. В эти дни в церкви бывает очень много народа. Любимые его проповеди – о блудном сыне, о страданиях Иисуса Христа. Заканчивал призывом к верующим, чтобы они своих детей воспитывали в духе Божьем, остерегались антихриста и дьявольского учения, не верили ему и не поддавались обману, ибо рассуждение о том, что Бога нет, исходит из уст злого человека... Проповедь священника Григория Раевского настолько действовала, что многие, выходя из церкви, плакали».

14 августа сотрудники ОГПУ пришли с обыском и арестовали священника. До того времени у о. Григория уже несколько раз были обыски, кончавшиеся конфискацией и без того скудного имущества. Когда-то они с матушкой имели хозяйство, держали кур, корову, был сад, огород, в доме стояла фисгармония. К тридцатому году ничего не осталось, все было конфисковано как уплата налога, включая фисгармонию, которую взял местный клуб. У о. Григория остались лишь небольшой шкаф с посудой, сундук и узкие деревенские половички. Сотрудники

ОГПУ в очередной раз перевернули все вещи в поисках ценностей, хотели обыскать постель дочери священника, которая во время обыска безмятежно спала, но другая дочь, Анна, не позволила тревожить ребенка, и те отступились.

Священники Григорий Раевский (справа) и Николай Дмитриев

Первое время после ареста о. Григория держали в Завидове, а потом под конвоем отправили в Тверскую тюрьму. Вызвали для допроса о. Николая Дмитриева и спросили об арестованном священнике. Отец Николай, хорошо зная лукавство гонителей, настоял на том, чтобы записать ответ собственноручно:

– Священник Григорий Григорьевич Раевский ничего против советской власти не проявлял и недовольства мне не высказывал.

– За что же и когда он подвергался аресту? – спросил следователь.

– Аресту он подвергался Клинскими органами, просидел он шестьдесят два дня; возвратившись, за что сидел, не сказал. Больше мне ничего о нем не известно. Какие еще слова он говорит в проповедях, кроме хороших, мне не известно.

Снова вызвали в ОГПУ старосту храма. То, что был арестован столь уважаемый священник, поразило его. Увидев, как ОГПУ расправляется с невинными и ищет лишь повода, чтобы закрыть храм, он ответил:

– Я служу церковным старостой более десяти лет и знаю священника Раевского как человека, который не стоит ни за, ни против советской власти. Затрагивает ли Раевский в проповедях вопросы политики, я не знаю, так как приходится все время стоять за свечным ящиком. Церковь наша большая, и все, что он говорит, мне не слышно. По приходу мне с ним ходить не случалось, и как он ведет себя среди крестьян, мне не известно.

21 августа вызвали на допрос о. Григория. На вопросы следователя он ответил:

– Проповеди в прошлом году в церкви говорил редко, иногда в двенадцатые праздники, в текущем году я проповеди говорил постом. Проповеди были чисто религиозного содержания, я политики не касался и даже намеков не делал... Против коллективизации никогда не выступал. 9 февраля 1930 года участия в организации торжественного служения в церкви не принимал и не служил, а прибыл в церковь в девять часов утра и стал служить молебны

после утрени. В это время народу было около шестисот человек, из них исповедников было около трехсот человек. Меня удивляет по настоящее время, чем вызвано такое посещение церкви... В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Больше показать ничего не имею и считаю показания на меня ложью.

5 января 1931 года Тройка ОГПУ приговорила священника к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Отца Григория отправили на каторжные работы, на строительство Беломорско-Балтийского канала в Вологодскую область, неподалеку от города Вычегды. Теперь между близкими осталась только письменная связь и редкие свидания; на одно из них Лидия Васильевна поехала вместе с дочерью Ниной, которой было тогда десять лет. Их поселили за пределами лагеря в большом сером бараке; о. Григорий приходил к ним на свидания вечером после работы и каждый раз приносил свой паек – налитую в глубокую миску похлебку.

Лидия Васильевна с дочерью Ниной. 1932 год

В одном из писем в лагерь Лидия Васильевна писала ему: «...По обыкновению пишу опять вечером, время около восьми часов, Нина сидит в зале... а я на своем местечке сижу... Что-то сегодня весь день настроение гадкое, не знаю, чем объяснить, да все взятое вместе, и жизнь несладкая, и недостатки во всем так в минорное настроение налаживают, плюс ко всему сегодня получила из ВЦИКа ответ на свое заявление – ходатайство о восстановлении в правах; конечно тоже «отклонить», дальше уже ехать некуда, надежда рухнула, но что же поделаешь. Сегодня, Гриша, сдала тебе небольшую посылочку, что уже могла, маслица немного... Из всех твоих и своих поклонниц никого давно не вижу... хотя теперь времени свободного мало у них, все работают в колхозе, с полевыми работами покончили, сейчас пилка дров... Нынешний день не особо приятный

был случай. В ночь – обнаружили утром, часов в десять – лезли в храм, но войти не пришлось, подпилили решетку, продавили два стекла, а войти не дали... Милый Гриша, в посылочке я послала тебе немного гороху, но не знаю, есть у вас где сварить, а потом не знаю, хорошо разваривается или нет, потом Нина положила один платочек, свое рукоделие, только не успела его выстирать...

*Протоиерей Григорий Раевский (справа).
Беломорско-Балтийский лагерь, 1933 год*

Сейчас уложила своих спать, а сама села докончить тебе письмо, на ночь читали с Ниной, она лежит, читаю я, не пишу что, но ты, верно, знаешь, не один раз мы с ней эту книгу (Имеется в виду Священное Писание – И.Д.) прочитываем».

Отца Григория освободили из заключения в начале 1934 года, и он вернулся в Завидово и стал служить в храме. Жить было трудно, он продал дом колхозу, а сам жил с семьей сначала в доме о. Николая Дмитрова, а потом снял квартиру у одной доброй женщины неподалеку от храма. Впоследствии, когда дочь Нина осталась одна, то проданный еще при родителях дом дал ей возможность получить образование в школе, так как колхоз в течение нескольких лет выплачивал сироте небольшими суммами за этот дом.

12 мая 1935 года от скоротечной чахотки умерла супруга о. Григория. В конце зимы, придя в храм во время уборки, она пожалела труд убравших, разулась, оттого простудилась и через три месяца скончалась. Дочь Нина осталась на попечении отца и крестного, священника Николая Дмитрова. Первые четыре класса она училась в Завидове, но в пятый класс ее не взяли из-за того, что она дочь священника, и она снова поступила в четвертый, окончила его, но ее снова не приняли в пятый, и она поступила в школу в соседнем селе в Спас-Заулке – это была уже Московская область. Пятый и шестой класс Нина проучилась там, а седьмой оканчивала снова в Завидове. Семь классов она окончила весной 1937 года. Училась она хорошо, и о. Григорий, просмотрев аттестат, похвалил ее и сказал: «Дочка, надо учиться обязательно, я не знаю, что со мной будет, но ты обязательно учись». Она исполнила завет отца, окончила полиграфический институт, занимала большую должность, но никогда не скрывала, что ее отец священник. И молитвами отца-мученика Господь управлял ее путь во благое, она

никогда и ни в чем не чувствовала, что чем-то обделена из-за того, что у нее отец – священник гонимой Церкви.

Отец Григорий был нрава кроткого, открытого, никогда ни на кого не повышал голоса, не исключая и дочь, даже когда она показывала свое непослушание. Захочет она пойти к соседской девочке, своей подружке, под двенадцатый праздник или в воскресенье, а о. Григорий скажет:

– Нет, ты никуда не пойдешь сегодня.

– Папа, я пойду, – скажет дочь.

– Нет, ты никуда не пойдешь.

– А я пойду.

– Нет, не пойдешь.

– Нет, пойду.

И он тогда скажет:

– Ну, иди.

Но так скажет, что она уже никуда не пойдет, а только ждет удобного момента, чтобы попросить прощения.

Летом 1936 года председатель областной комиссии по культурам предложил благочинному Завидовского района собрать духовенство и обсудить проект сталинской конституции. Из священников пришли только двое, и одним из них был о. Григорий. Уяснив, что именно позвали его обсуждать, о. Григорий от обсуждения отказался, сказав, что поскольку он лишен как священник гражданских прав, то и обсуждать проект конституции не может. На этом собрание трех священников закончилось, и никто бы о нем не помянул, если бы через год не нахлынули новые гонения.

Отец Григорий был арестован 30 июля 1937 года. В то время, когда сотрудники НКВД пришли к нему в дом, он был в лесу, куда часто ходил собирать грибы и ягоды. Вернулся он домой, а здесь в очередной раз идет обыск, но брать было нечего, взяли лишь письмо священника Александра Преображенского, которого, после выхода того из заключения, приютил о. Григорий. Отец Александр писал ему: «Вас искренне и сердечно, дорогой батюшка, благодарю за Вашу помощь и приют; не забуду никогда Вашего доброго, братского отношения и отзывчивости».

На следующий день после ареста следователь Завидовского НКВД Шевелев допросил священника.

– Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении? – спросил он.

– Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю, так как я никакой агитации, направленной на опошление, как вы утверждаете, мероприятий советской власти и партии, среди населения не проводил, – ответил священник.

– Скажите, как часто в церкви села Завидова вы или Дмитров произносите проповеди?

– Я лично говорил проповеди Великим постом с половины марта по 1 мая 1937 года.

– Расскажите, о чем вы говорили в своих проповедях верующим?

– В проповедях я говорил о значении исповеди, приготовлении к ней и о причащении.

– Скажите, какие вы проводили сборы среди верующих, на какие цели и сколько собрали средств?

– Сборы проводятся церковным старостой путем хождения с тарелкой; из общих сборов церковный совет или староста передают мне, я в свою очередь пересылаю по назначению – архиерею на содержание патриархии, епархиального управления, на приготовление мира.

– Расскажите о составе церковного совета церкви села Завидова.

– Членов церковного совета я не знаю, знаю только председателя церковного совета – церковного старосту Василия Григорьевича Голенкова, уроженца села Завидова.

Основания для обвинения, как часто бывало в подобных случаях, не находилось, и тогда стали вызывать на допрос прихожан. Среди других вызвали и старосту храма Василия Голенкова.

– Скажите, вы знаете Григория Григорьевича Раевского? – спросил следователь.

– Григория Григорьевича Раевского, священника церкви села Завидова, я знаю лет двадцать. Встречался с ним в церкви, на улице, иногда он бывал у меня дома, пили чай.

– Скажите, о чем вы разговаривали с Раевским при встречах?

– Мы с ним разговаривали о жизни, говорили о делах общины верующих. По вопросу посещения верующими церкви Раевский говорил, что люди верующие и желающие посещать церковь не могут прийти, так как связаны с работой в колхозе, а если бы был выходной день в воскресенье, молящихся было бы больше. Кроме того, Раевский говорил мне, что нужно верить в Бога и надеяться на Бога.

– Скажите, как часто Раевский произносил проповеди в церкви и что он говорил в своих проповедях?

– Проповеди в церкви Раевский говорил нечасто, в проповедях он говорил о значении праздника, а также говорил, что нужно верить в Бога и надеяться на Бога.

Стали вызывать на допросы соседей священника, но и они показали, что хорошо знают о Григория как человека лояльного к государственной власти. Была вызвана жена благочинного о. Сергия Мазурова, которую следователь спросил:

– Скажите, какие вам известны факты контрреволюционных высказываний Раевского?

– Летом 1936 года моему мужу как благочинному было предложено обсудить с духовенством проект сталинской конституции. Мой муж разослал повестки о явке всем священникам благочиния. По повесткам из всех явились Дмитриев и Раевский. От обсуждения проекта конституции Раевский отказался, говоря, что конституция нам, священнослужителям, ничего не дает. Все доводы мужа он не принял к сведению, заявив, что, если вам это нужно, вы и обсуждайте, пишите, что вам угодно.

Прихожане и многие жители Завидова искренне любили о. Григория, и даже из тюремщиков находились те, кто ему сочувствовал. Благодаря им он смог в течение некоторого времени передавать близким коротенькие записки. 4 августа он писал о. Николаю Дмитрову, его супруге Екатерине, дочери Нине и хозяйке квартиры Марии: «Дорогие о. Николай, Екатерина Николаевна, Нина, Мария Егоровна и прочие, и прочие, все, кто мне дорог и меня помнит. Здравствуйте. Ваши любовь и память и молитвы обо мне глубоко меня трогают и дают мне силы и покой переносить испытание, которое меня ожидает. Обвинение 58-10, а в чем,

пока еще не знаю; мне не представили ни одного факта – жду каждый день. Надеюсь, что вы все не оставите моей Нины и замените ей маму и отца в мое отсутствие и тем самым снимите мою тревогу о ней. Чтобы получить свидание и сдать передачу в Калинин – нужно получить разрешение у следователя Шевелева на станции Завидово или у начальника НКВД Глебова. Но это между прочим. Пока будет идти следствие – не разрешается никакой переписки».

На следующий день следователь снова допросил священника.

– Следствие располагает материалами о вашей контрреволюционной деятельности, настаивает на искренних показаниях. Скажите, намерены ли вы давать искренние показания о вашей контрреволюционной деятельности?

– Еще раз говорю, что я никакой контрреволюционной деятельностью не занимался.

– Следствие располагает материалами, что вы в целях контрреволюционной агитации опошляли законы советской республики по вопросу служителей религиозного культа. Вы говорили, что если нас задумают посадить, то посадят и найдут материалы для обвинения, несмотря ни на какие законы. Подтверждаете ли вы это?

– Смысл вопроса мне понятен и знаком, я мог сказать это только кому-либо из близких людей, но со своей стороны это высказывание контрреволюционной агитацией не считаю.

– Скажите, каковы ваши взгляды и мнения по вопросу проекта сталинской конституции?

– По вопросу обсуждения проекта сталинской конституции по предложению представителей культкомиссии Калининского облисполкома все духовенство района должно было собраться у благочинного Мазурова и обсудить проект, но явились лишь я и Дмитров. Я говорил, что, поскольку мы лишены избирательных прав, обсуждать этот проект не можем. Таким образом, вопрос остался открытым.

– Следствие располагает данными, что вы высказывали свои недовольства колхозным строем, говорили, что колхозники хотят ходить в церковь, но не могут, ибо не имеют дней отдыха.

– Это я отрицаю.

В этот день он написал родным: «Дорогая Нина, долго, долго мне не придется тебе писать. На какой срок я попаду – сейчас не знаю, но придется тебе жить одной. Постарайся быть паинькой – следи за собой, грубить не надо, за своими словами следи. Учиться старайся – это тебе пригодится на всю твою жизнь. Советов как отца Николая, Екатерины Николаевны и Марии Егоровны слушайся – худого, плохого они никогда тебе не пожелают. Будь сама со всеми хороша – и к тебе все будут относиться так же. Теперь я тебе напишу, когда попаду в лагерь.

10.30 вечера. Как бы мне хотелось, дочка родная, с тобой поговорить... Вспоминаю всех вас, родных и дорогих мне: хотя я и готовился мыслью к разлуке с вами, но она все-таки тяжела мне. Утешаю себя надеждою, что так угодно Богу, чтобы жить мне опять вдали от вас. Он, благий, посылает испытание – даст и силы перенести его...

Так что обо мне не беспокойтесь. Я предлагаю такой план свидания, когда узнается день отправки – поезда в 10.50 утра и 1 час-50 дня – Нина с кем-нибудь пусть возьмут билеты до Калинина, пусть сядут в тот же вагон, и я надеюсь, что мы будем иметь возможность говорить всю дорогу, о дне отправки вам как-нибудь сообщат. Если удастся, было бы хорошо. Отправка должна быть на днях,

приходите каждый день к означенным поездам – и все будет хорошо. А теперь простите меня, кого я чем обидел, прошу ваших молитв о мне, грешном, чтобы Господь дал силы вторично перенести испытание.

Крепко всех целую – всем мой привет и душевное спокойствие».

Незадолго перед отправкой в Тверскую тюрьму о. Григорий написал дочери: «7.8.37. 7.30 утра. Дорогая Нина, на сколько теперь придется нам с тобой расстаться, я сейчас еще не знаю, но надеюсь – кого я просил, заменят тебе отца и мать. Старайся учиться – приложи все усилия, чтобы тебе из отличниц не выходить, слушайся, что тебе будут советовать, плохого совета из означенных лиц никто тебе не даст... Маму помни – меня не забывай... Веди себя хорошо, если я узнаю противное, мне будет очень тяжело...»

Отца Григория отправили в Тверскую тюрьму, и близким не удалось увидеться с ним, но и из тюрьмы приходили сведения, что он жив, и однажды сообщили, когда и как можно его увидеть.

Дочь Нина и матушка о. Николая, Екатерина, приехали в Тверь, добрались в указанное время до здания, в котором размещалось управление НКВД; у подъезда стояла машина для перевозки заключенных. Они остановились вдали, на противоположной стороне улицы, и видели, как из подъезда в сопровождении конвоя вышел о. Григорий. Он не глядел на другую сторону улицы, не оглядывался по сторонам и не увидел их. Это стало последним свиданием.

28 сентября был день рождения о. Григория, ему исполнилось сорок девять лет. На следующий день Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Григорий Раевский был расстрелян сразу после объявления приговора, 29 сентября 1937 года.

До сих пор среди завидовских прихожан сохраняется память о священномученике Григории – его служении, попечении о душах, его милосердии и мученической кончине. Священномученик был погребен в братской могиле на одном из кладбищ Твери; точное место погребения остается неизвестным.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 203-215